

ПРЕМЬЕРА! ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Шпаги звон...

Пожалуй, нет ни одного актера, который бы не мечтал выйти на сцену в образе легендарного Сирано. Поэта на все времена — полуголодного, храброго до безрассудства, не ищущего чинов и наград, благородного в дружбе и любви, непримиримого к врагам. Как и герой, сражающийся за правду, против подлости и лицемерия, пьеса Э. Ростана противостоит любому театральному псевдоноваторству и скорее гибнет, но не дает повода торжествовать бездарности. И когда сегодня Театр драмы имени А. С. Пушкина обратился к пьесе «Сирано де Бержерак», традиционного вопроса: «Что привлекает к пьесе нас, современников?» не возникло. Театр стремится вернуть прежний смысл и силу понятиям Честь, Благородство, Жертвенность и Любовь. Споры среди театральной общественности вызвало и, я уверена, еще вызовет назначение на главную роль Игоря Олеговича Горбачева. Невольно вспоминались легкий, подвижный Хлестаков и герои последних лет — слегка полнеющие, вальяжные... Вот почему так волновался зрительный зал на творческом вечере артиста, посвященном 60-летию со дня рождения и 40-летию творческой деятельности. Все понимали, что выбор пьесы не может быть случайностью.

Но наконец в зале померк свет, отзвучали слова эпитафии, поплыл вверх занавес. Перед зрителями возник образ спектакля, созданный художником Мартом Китаевым: огромная золоченая рама обрамляет сцену и создает ощущение бесконечной глубины затянутой в черный бархат сценической коробки и — бесконечной глубины времени. Ведь мы переносимся в 1640 год. На протяжении всего спектакля ничто не будет приземлять героев. И всегда и везде как память о суетном и вечном будут возвышаться часы. Но как не властно время над подлинным чувством, так теряет оно свою силу перед магией искусства! На сцену выбегает высокий, стройный человек в старом плаще и потертом кожаном колете, лицо его, обезображенное большим носом, неузнаваемо, и даже голос по-молодому срывается от волнения. Неужели это один из «театральных генералов», как принято в последнее время называть народных артистов, почему-то меняя им звание в вину? Испарина волнения выступает на лбу человека, бросающего вызов времени на творческом вечере в честь своего 60-летия. Что это — храбрость или безрассудство? Ведь сегодня у него нет права даже на средний уровень исполнения, когда

зрительный зал из уважения к былым заслугам награждает артиста аплодисментами.

Да, этот Сирано де Бержерак сед, как седьмой граф де Гиш — Николай Мартон, Ле Бре — Рудольф Кульд, Рагно — Владислав Рындин, но это не попытка искусственно повысить возрастную ценз героев пьесы. Ведь рядом с Сирано на сцене не только Кристиян, чья красота и молодость никак не скрываются артистом Семеном Сытником, рядом гасконские гвардейцы — вся молодежь мужской труппы театра. Что же делает Сирано Горбачева, как принято нынче говорить, неформальным лидером этих лихих рубах и волокит? Неизменность идеалов и неспособность им изменить, Сирано не только прекрасно фехтует, он быстрее других встает на защиту человеческого достоинства, острее чувствует чужую боль.

Театр не стремится подхватывать слова Сирано о правде и ее врагах как прямую перекличку с сегодняшним днем. В конце концов каждый человек должен решить, на чьей он стороне и кому служит — правде и свободе или лжи и феодальной зависимости. Вот почему умирающий Сирано не сдастся, нанося удары невидимому врагу — самым страшным человеческим порокам. Вот почему его одинокой шпаге присягают юные гвардейцы, отдавая дань мужеству своего поэта. А возможно, и мужеству артиста, ведь он победил само время, воплотил юношескую мечту. И, оглядываясь сегодня на сорокалетний творческий путь артиста, видишь, что во всех сыгранных им ролях есть неистребимая нота романтики, от героической до наивно мечтательной, от трепетно-лиричной до авантюрной. А так ли уж легко оставаться в наши дни романтиком, на протяжении десятилетий сохраняя веру в торжество подлинной правды как в жизни, так и в искусстве? Вот почему так важна для постановщиков любовная линия пьесы, тема любви, побеждающей время и смерть. И несет ее через весь спектакль Роксана в исполнении артистки Татьяны Кулиш. Задуманная как исповедь художественного руководителя театра Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР Игоря Горбачева постановка звучит сегодня как декларация гражданских и художественных принципов творческого коллектива.

И. ОБРАЗЦОВА

□

На снимке: сцена из спектакля.
Фото В. КРАСНОВА

